

Существует ли теория права?

Аристотель считал, что все тела обладают свойствами тяжести и легкости. Большая легкость побуждает тело стремиться вверх, большая тяжесть - вниз. Соотношение легкости и тяжести зависит от количественного соотношения в теле четырех элементов, составляющих все тела: земли, воды, воздуха и огня. Земля абсолютно тяжела, огонь абсолютно легок.

Такова была его "теория тяготения". Возможно, она объясняла кое-что непритязательному уму, но практическая ее пригодность была ничтожна. Не было и доныне нет никакой возможности *измерить* соотношение "элементов" в конкретном теле и, таким образом сравнить его с другим. С помощью такой теории никогда не был бы открыт закон Архимеда, ставший достоянием человечества уже в следующем столетии.

Архимед неявно опирался на понятие плотности или удельного веса тел и нашел способ сравнивать их по этой величине путем взвешивания и определения их объемов. До сих пор его теория исправно служит людям для конструирования, строительства и эксплуатации лодок, авианосцев, батискафов и воздушных шаров. Мы говорим, это хорошая теория, она *практична*, то есть дает правильные указания о том, как должны быть устроены корабли и воздушные шары.

Если мы попытаемся этой теорией пренебречь, делать что-либо вопреки ей, то изделие наших рук просто не поплывет, не поднимется в воздух.

Что такое авиакатастрофа? Это результат попытки лететь на аппарате, внутреннее устройство которого по каким-то причинам не соответствует *теории* полета, "нарушает" законы полета. "Титаник" погиб из-за того, что люди либо плохо знали, либо пренебрегли законами прочности стали и льда, их взаимодействием при больших скоростях. Дом, построенный без учета теории сопротивления материалов (хотя бы интуитивного, неявного, эмпирического) непременно рухнет.

Все это обстоит именно так, потому что теории, относящиеся к телам, веществам и (в некоторой степени) к неразумным существам - непреложны, предметы их "ведения" просто *не могут* быть устроены по-другому или вести себя иначе, чем им предписано (Богом, Природой, инстинктом...). И на протяжении всей истории человечества законы природы непреложны и неизменны. Именно поэтому человеческий разум способен эти законы постичь, а эти теории могут существовать.

А что же право и его теория?

В больших книжных магазинах можно насчитать до десятка и более книг с названием "Теория государства и права", книг самых новейших. Когда читаешь такую книгу, то прежде всего бросается в глаза отсутствие постоянства законов права в пространстве и во времени. Разные книги по этому предмету представляют почти несметное многообразие правовых установлений (законов) в различные эпохи и у разных народов. Их перемены, иногда разительные, происходят нередко на протяжении жизни одного поколения (чему и мы с вами свидетели).

И что же? Человеческие общества - очевидный предмет законов права, - существуют, государства устойчивы на протяжении столетий. И это при том, что те же книги изобилуют примерами сознательного или бессознательного *нарушения* людьми правовых законов. Эти законы, стало быть, не носят столь же непреложного характера, как законы природы? Значит, они - вовсе не законы, а человеческие выдумки. Значит, не может существовать и никакой теории права.

Упомянутые учебники не даром называются теориями *государства* и права. Явно или скрыто они - почти все - производят право от государства: то, что устанавливает государство, то и есть право. А ведь государства создаются людьми. Значит, законы права - выдумки людей.

Прискорбный, хотя как будто бы и неизбежный вывод...
Но так ли уж он неизбежен?

“Где та книга, которая была бы способна пробудить правосознание нашей интеллигенции?” - вопрошал Б.А.Кистяковский в “Вехах” в начале XX века. “Где наш “Дух законов”, наш “Общественный договор?”.

Весь характер, весь пафос статьи Б.А.Кистяковского говорит о том, что для него эти вопросы - риторические. А между тем, на них есть вполне конкретные ответы. Такие книги есть. Эти “наши книги”: “Право естественное” Александра Петровича Куницына и “Энциклопедия права” Евгения Николаевича Трубецкого.

Эти книги “наши” только потому, что они написаны в России на русском языке. Но, к сожалению, они не стали “нашими” в том смысле, что идеи, заложенные в этих книгах, не стали господствовать в русских умах ни в веке XIX, ни в веке XX.

Написанная почти двести лет назад книга А.П.Куницына не только тогда, но, пожалуй, и сегодня является лучшей книгой о праве как о должном, о том, каким должно быть право и почему оно должно быть именно таким. Нельзя сказать, чтобы понимания важности этой задачи совсем не было. По мнению Д.С.Милля: **“Необходимо, чтобы закон обязывал людей исполнять известные правила поведения. Но какие же должны быть эти правила, - вот в чём самый важный для людей вопрос, а между тем, за весьма немногими только исключениями, это один из тех вопросов, в разрешении которых сделано наименее успеха”**.

Со времени написания этих строк прошло полтора столетия и, может быть, сегодня человечество уже добилось успеха, пришло к выводу о том, какие же **должны быть** эти правила? К сожалению, нет, а прорыв в этой области возможен только на строгой теоретической основе.

Однако, что такое теоретическая основа, что такое теория - вопросы, на которые наука пока не дала окончательного ответа. Я предлагаю следующее определение теории:

Теория - это система понятий, постулированных утверждений, а также логически строго следующих из них выводов.

А.П.Куницын заложил теоретические основы почти по всем необходимым направлениям теории права. Для того, чтобы сделанное им обрело завершенность, ему не хватило последнего шага, не хватило создания того стержня, на котором разработанные им основы обрели бы окончательную стройность.

Таким стержнем может быть только правильное осмысление, а, следовательно, определение понятия “право”. Соотнесение права как видового понятия с чем-то еще более фундаментальным - понятием родовым. Многие исследователи пытались в качестве такого родового понятия приспособить разное: волю, правило, интерес, порядок и т.п. Однако, ни одно из них не могло выдержать обрушивавшейся на него нагрузки, стать тем стержнем, на котором можно было бы собрать воедино все основы, создать теорию права. Выковать такой стержень удалось только Е.Н.Трубецкому.

В качестве такого стержня Трубецкой использовал понятие “внешняя свобода”. Не свобода вообще по причине её неопределимости. Не *свобода внутренняя* - свобода воли, которую безуспешно пытался использовать Гегель, а именно *свобода внешняя* как возможность человека действовать в обществе себе подобных. **Внешняя свобода, осуществляемая в рамках “правил поведения”, и есть содержание права.**

Такой подход к праву как к внешней свободе, подчиненной определенным правилам, оказывается очень плодотворным. Сразу становится ясно, о чем должны быть эти правила - о границах внешней свободы. Тут же возникает и центральный вопрос теории права: какие принципы нужно соблюсти (или цели достигнуть), формулируя эти ограничения. Иначе говоря, каковы должны быть правила формулирования законов. Вот эти-то принципы, “правила правил” и составляют содержание теории права. Теория должна быть практичной, то есть говорить нам о том, каково должно быть наше право, наши законы.

Принципы ограничения внешней свободы не могут иметь непреложности законов природы. Они должны быть установлены в зависимости от того, чего мы хотим добиться, формулируя правила поведения, нормы права. От наших целей. А цели могут быть разными.

Для того, чтобы правильно сформулировать цель можно и нужно предварительно рассмотреть существующие, существовавшие, могущие существовать правовые системы, заложенные в них идеи для того, чтобы, опираясь на максимально возможный объем уже существующей информации, сформировать свое достаточно полное и непротиворечивое представление о должном.

С этой целью существующие представления о должном можно и нужно структурировать.

Такие структурированные представления о должном состоят из политических идей, которые могут быть сгруппированы, например, вокруг трех осей, образующих **“политическое пространство”**. При правильном структурировании каждая локальная область политического пространства должна быть уникальной в том смысле, что для любых разных областей политического пространства должно быть невозможно сформулировать одинаковый набор аксиом теории о должном. Политическое пространство – и есть то пространство сущего, в котором мы должны выбрать область, и к ней прилагать нашу теорию о должном.

Правовые системы, прилагаемые к разным областям политического пространства, не могут быть описаны в рамках одной теории права. *Одной теории права быть не может.* Каждая область политического пространства *требует* собственной теории права.

В настоящей работе представлена попытка подступиться к разработке одного из вариантов такой теории права для области политического пространства, условно маркированной терминами либерализм, равноправие, демократия.

Главным претендентом на роль сущего в теории права является сам Человек, его сущность в правовом аспекте, те его характеристики, которые присущи всем людям и являются существенными для теории права. Ведь без человека как её субъекта нет и не может быть никакой теории права.

Наша задача состоит в том, чтобы из всего множества характеристик человека определить и выбрать именно те, без которых мы не сможем построить теорию права.

Важнейшей такой характеристикой является присущее человеку сознание. Только вместе - тело человека и его сознание - составляют то, что мы называем человеком.

Но сам факт наличия сознания еще не говорит нам о степени обособленности, самостоятельности каждого человека. Допущение того, что каждый душевный центр связан с каким-то иным, возможно глобальным центром, не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто. Спор о наличии или отсутствии свободы воли у человека идет уже не одно столетие. И мы не можем его обойти. Без ответа на этот *вопрос - обладает ли человек свободой воли* - не может быть построена теория права. Более того, она не может быть построена без положительного ответа на этот вопрос.

Тот, кто взялся за какую-либо деятельность в области права и не хочет заранее согласиться с бессмысленностью этой деятельности, просто обязан признать наличие у человека свободы воли, ибо в противном случае он не сможет предъявлять человеку какие-либо требования.

Таким образом, нам совершенно необходимо эту важнейшую характеристику, выделяющую человека из остального мира, зафиксировать в самой первой

Аксиоме.

Каждый человек обладает внутренней свободой (или свободой воли), т.е. свободой самостоятельно выбирать, что ему хотеть.

Нам представляется, что в обобщенном виде мы можем постулировать как минимум одно такое хотение, действительно присущее всем людям.

Аксиома 2.

Каждый человек хочет жить хорошо.

Это означает, что прежде всего каждый человек хочет жить. Однако, прерогативой сознания, интеллекта является вторая составляющая аксиомы - хорошо.

Исходя из вышесказанного и опираясь на Аксиому 1 (каждый человек обладает внутренней свободой), мы можем сформулировать, где же находится тот центр, который формирует антитезу “хорошо-нехорошо”.

Следствие 1.

Только сам человек решает, что для него хорошо.

Из наших предыдущих рассуждений мы можем сделать только такой вывод. Альтернативой такому выводу может служить тезис: понимание того, что хорошо, а что плохо поступает человеку откуда-то извне. Но это означало бы, что человек не может самостоятельно выбирать, что ему хотеть (а это прямо противоречит нашей первой аксиоме), и означало бы отсутствие у человека внутренней свободы. Логика не допускает сосуществования Аксиомы 1 и такого тезиса.

Что для него хорошо - человек решает сам, но действует по достижению своего хорошо он всегда в обществе себе подобных.

Достаточно оглянуться вокруг, чтобы убедиться в том, что люди живут не поодиночке. Достаточно заглянуть в историю, чтобы убедиться - так было всегда. Достаточно хоть немного задуматься над этими фактами, чтобы понять - это неспроста. Эти очевидные факты можно обобщить в

Аксиоме 4.

Люди обречены на то, чтобы жить сообща или иными словами -

Жизнь сообщества - единственная возможная форма существования людей.

Таким образом, общество - это данность. Данность, не зависящая от чьей-то воли. Люди вовсе не объединяются в общество, потому что они так хотят.

Они уже объединены.

Эта данность существенно ограничивает людей в их поведении, в их внешней свободе, которой настало время дать определение.

Определение 6.

Внешняя свобода - свобода (способность, возможность) действовать в обществе в соответствии со своей внутренней свободой тем или иным образом, преследуя те или иные цели.

Очевидно, что внешние свободы отдельных людей неминуемо сталкиваются в процессе стремления каждого к хорошей жизни. Общество обязано устанавливать границы таких устремлений для своих членов.

Разрабатывая теорию, мы просто обязаны предложить принцип, на основе которого мы могли бы установить эти границы. Такой важнейший принцип -

Аксиома 5.

Все люди имеют равные права на внешнюю свободу.

Утверждаемое в Аксиоме 5 едва ли не самое важное в нашей аксиоматической системе. Именно это утверждение есть логическая основа естественных прав человека. Для подтверждения наличия у человека этих прав нет необходимости утверждать, что “такова природа вещей”, что все люди “сотворены по образу и подобию”, нет необходимости ни в какой-либо еще дополнительной сущности.

Однако, внешняя свобода каждого человека не может быть безграничной хотя бы потому, что каждый человек живет среди других людей. Отсюда

Аксиома 6.

Внешняя свобода людей должна быть ограничена.

Понятно, что такое ограничение не должно быть произвольным. Для того, чтобы снизить опасность, подстерегающую нас на пути такого ограничения, нам необходимо выработать какой-то общий принцип, согласно которому внешняя свобода может быть правомерно ограничена.

Избегая вступать в противоречие с уже сформулированными аксиомами и следствиями, мы можем принять следующий принцип допустимости ограничения внешней свободы человека:

Аксиома 7.

Внешняя свобода человека может ограничиваться только требованиями обеспечения внешней свободы других людей.

Для правильного понимания этой Аксиомы важно почувствовать её анизотропность. Кроме требования ограничения свободы другого человека, никакие другие основания для ограничения свободы кого-либо не допускаются. Но это не означает, что любое требование обеспечения внешней свободы человека является безусловным и достаточным основанием для ограничения внешней свободы другого. Наличие этого условия только лишь дает возможность рассматривать вопрос об ограничении внешней свободы человека, для решения которого необходимо привлечь и другие причины, в частности, те, которые содержатся в других аксиомах и следствиях. Если же этого основания нет, то вопрос об ограничении внешней свободы кого-либо даже и рассматриваться не может. Таким образом, Аксиома 7 дает нам только необходимое, но не достаточное условие для ограничения внешней свободы человека.

Каждый человек понимает, что его внешняя свобода не безгранична. Каждый человек примерно представляет, где проходит граница его внешней свободы, установленная в том обществе, в котором он живет. И, вместе с тем, мы знаем, как часто люди выходят за пределы своей внешней свободы, переступают эту ощущаемую ими черту. Отчего это происходит? Как нам относиться к этим фактам?

Весь жизненный опыт показывает нам, что в подобных явлениях нет ничего сверх- или противоестественного, и это позволяет нам сформулировать очередную аксиому.

Аксиома 8.

Люди склонны нарушать нормативные границы внешней свободы других людей и своей собственной.

Несмотря на то, что мы считаем склонность, зафиксированную в Аксиоме 8, обычным явлением, это не значит, что мы согласны с этой склонностью мириться, а тем более ее поощрять. Более того, задача любой правовой системы состоит именно в том, чтобы в идеале сделать невозможным проявление этой склонности и, уж во всяком случае, минимизировать такую возможность. А это может обеспечить только Право.

На протяжении столетий юридические науки, а вместе с ними и все человечество, пытались понять, что есть "право". Однако, даже сегодня, в XXI веке по этому вопросу так и нет общепризнанного мнения. Никакая теория права не может уклониться от ответа на этот вопрос.

Наиболее глубоким и теоретически обоснованным нам представляется определение понятия "право", которое было дано на рубеже XIX и XX веков великим русским правоведом кн. Е.Н. Трубецким.

Сущность права выражается в двух основных проявлениях: с одной стороны, оно предоставляет лицу определенную область свободы; с другой стороны, оно ограничивает эту область набором определенных правил, причем и то, и другое осуществляется посредством норм.

Определение 7.

Право - это внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой.

Термин "предоставление" в Определении 7 также требует конкретизации.

Определение 17.

Предоставление внешней свободы состоит из ее провозглашения и обеспечения возможности ее осуществления.

Иными словами, совокупность норм, о которых говорится в Определении права, должна эффективно препятствовать нарушению прав одного субъекта действиями другого.

Теперь после всех этих разъяснений мы можем сформулировать принцип предоставления внешней свободы -

Аксиому 10.

Каждому должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимый с таким же максимумом свободы каждого другого.

Аксиома 10 в совокупности с Аксиомами 5 и 7, и есть формулировка того идеала, который задает естественное право и к которому должно стремиться право действующее на пути его исторического развития.

Если рассмотреть достаточно длительный исторический период, мы будем вынуждены признать, что действующее право развивается именно в этом направлении, хотя конечно же не прямолинейно, с отступлениями, с огромными зигзагами, но именно в направлении предоставления все большей и большей внешней свободы все большему и большему числу людей.

Из определения права выводится следующее требование:

Не предусмотренное никакой нормой действие, направленное на ограничение чьей-либо внешней свободы, недопустимо.

Это и другие требования, зафиксированные в предшествовавших определениях, аксиомах и следствиях должны найти адресата. Того, к кому эти требования мы хотим предъявить. Такой адресат есть и имя ему - Государство

Единственным способом жизни людей является общество. Для осуществления всякого способа, в том числе способа жизни людей, нужен инструмент (орудие, механизм, приспособление...). Таким инструментом по обеспечению сосуществования людей и является государство. Государство не в смысле синонима термина "страна", т.е. как сочетания территории, власти и населения, а в смысле именно инструмента, при помощи которого общество организует сосуществование своих элементов - людей.

Государство - это инструмент, при помощи которого общество организует сосуществование своих элементов - людей, т.е. провозглашает и обеспечивает им элементы внешней свободы.

Государство - инструмент общества. Но не просто инструмент, которым можно пользоваться, а можно отложить его в угол. Государство - это такой инструмент, без которого общество существовать не может. Государство и общество в исторических масштабах появились одновременно. Одновременно они и прекратят свое существование. Идея отмирания государства основывается на неправильном понимании его сущности. Абсолютная, безусловная необходимость существования государства коренится в самой природе человека, зафиксированной нами в Аксиомах 4 и 8, говорящих о том, что люди обречены на жизнь сообща и при этом склонны выходить за границы своей внешней свободы. До тех пор, пока человек будет представлять собой общественное существо, склонное выходить за границы своей внешней свободы, без государства обойтись просто не удастся.

Мне нравится *такая* идеализированная картина появления человека, общества, государства: в момент, когда два наших доисторических предка, одновременно ухватившись за один банан, не стали силой выяснять, кому же он достанется, а обратились к третьему с просьбой разрешить эту их проблему или, еще лучше, поделили его тем или иным способом, показавшимся им справедливым (т.е. достигли консенсуса) они из недочеловеков стали людьми, составили первое человеческое общество и изобрели инструмент своего сосуществования – государство.

С тех незапамятных доисторических времен общественная жизнь, а с нею и функции государства многократно усложнились, но *главное* – то, что делает государство государством, ничуть не изменилось. По-прежнему существует только два способа организации сосуществования. Первый - поручение решения вопросов конкретному лицу или органу - вождю, совету старейшин, оракулу, монарху, парламенту, президенту, начальнику ЖЭКа... Второй - самостоятельное решение вопросов путем договаривания. Договариваясь, пока не согласятся все, кого касается решение вопроса, или пока не договорится большинство из них. Если к этой конструкции добавить некий элемент,

которому поручается обеспечение исполнения принятых первым или вторым способом решений, мы получим схему, эскиз *любого государства*.

Из определения государства следует, что

Единственная полезная функция государства - организация сосуществования людей.

Распространенная и активно пропагандируемая точка зрения состоит в том, что именно государство наделяет человека правами в том объеме, в котором оно - государство - считает нужным. Исходя из данной аксиоматической системы, права у человека появляются не от государства, а из самой природы вещей, из равноправия, из очевидности этих истин - Аксиомы 5, Аксиомы 7 и Аксиомы 10.

Прямо противоположная ситуация с властью государства. Необходимость его власти вытекает также из Аксиомы 10 о величине свободы у каждого человека, из употребленного в ней и расшифрованного в Определении 17 термина "предоставление".

Внимание! Только из таких кусочков внешней свободы, сознательно недоданных людям при распределении между ними всей внешней свободы, и состоит власть государства.

Рисунок

Иными словами, люди сознательно (или бессознательно) жертвуют государству часть своей внешней свободы, и именно из этих пожертвований и *только из них* состоит власть государства.

Из этих рассуждений становится очевидным

Следствие 8.

Единственным источником политической власти является населяющий данную территорию народ.

Не менее очевидно

Следствие 11.

Всякий субъект политической власти склонен к выходу за границы внешней свободы, установленной для него законом.

Осознав эту истину, нужно готовиться к её проявлениям, укрепляя границы свободы субъектов политической власти, выстраивая структуру этих субъектов, формулируя правила их функционирования такими, чтобы максимально затруднить проявление этой склонности, т.е. помочь им самим этой склонности противостоять.

А для этого необходимо соблюдать

Следствие 12.

Политическая власть должна быть максимально рассредоточена.

Способов рассредоточения политической власти как минимум два.

Первый - разделение по функциям.

Второй - разделение по уровням.

Управление государством – это элемент внешней свободы, а согласно нашей Аксиоме 5, все люди имеют равные права на внешнюю свободу.

Это позволяет дать определение демократии.

Демократия – форма государственного устройства, при которой все граждане имеют реальную возможность пользоваться равными правами на управление государством.

Да, демократия – это только форма, которую принимает инструмент - государство. Как молоток или топор. Никому не придёт в голову говорить, что топор – это плохой инструмент только от того, что им можно отрубить человеку голову! А тем более, на этом основании требовать изъять топоры из оборота. Однако, совершенно естественным представляется запрет отрубать топором головы. Так же и с демократией:

Аксиома 20.

Возможность принятия большинством произвольных решений должна быть ограничена - недопустимы решения, которые не направлены на обеспечение возможности осуществления равных с другими людьми прав человека.

И, напоследок, о правовом государстве.

Ближайшим родом для понятия “правовое государство”, безусловно является понятие “государство вообще”, объём которого составляют все мыслимые варианты государств. Для отграничения именно правового государства от всех других государств, мы должны обратиться к определению права: *право – это внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой*. Очевидно, что в любом государстве внешняя свобода предоставляется и ограничивается каким-либо образом, т.е. если подходить не идиоматически, а буквально, любое государство является правовым. Следовательно, именно здесь, в области способов предоставления и ограничения внешней свободы и должен находиться признак, по которому и нужно отграничивать именно “правовое государство” от всякого другого. Определив для себя, что “правовое государство” есть нечто безусловно положительное, и вспомнив о том идеале, зафиксированном нами в Аксиоме 10, к которому должно стремиться действующее право на пути его исторического развития, мы получим

Определение правового государства:

Правовое государство – государство, правовая система которого предоставляет каждому гражданину максимум внешней свободы, совместимый с таким же максимумом внешней свободы каждого другого.

Таким образом, “правовое государство” – это такое же идеальное понятие, как и демократия. И так же, как и демократия, этот идеал пока ещё нигде не был воплощён на практике. В разных странах существуют разные степени приближения к этому идеальному состоянию.

Аксиоматическая система состоит из 83 элементов: 23 аксиомы, 22 следствия и 37 определений. В своем кратком выступлении я успел коснуться только четверти из них. Без глубокого объяснения и обоснования. Однако, все они составляют систему.

Я надеюсь, что мне удалось донести хотя бы самое общее представление об аксиоматической системе, полное представление о которой можно получить, прочитав книгу под названием “Аксиоматические основы теории права”.

Приложение

Иллюстрация предоставления внешней свободы

В предложенном тексте многократно встречается упоминание о границах внешней свободы. В качестве иллюстрации установления границ внешней свободы предлагается следующий график. При построении графика были использованы:

Аксиома 5.

Все люди имеют равные права на внешнюю свободу.

Исходя из этой аксиомы, фигуры, олицетворяющие собой внешние свободы людей (центральная точка 1), обязательно должны быть равны по размеру и форме. Форма шестигранника выбрана условно. С таким же успехом можно было выбрать равносторонний треугольник или квадрат. Вместе с тем, Аксиома 5 ничего не говорит нам об абсолютном размере этих фигур. Она допускает изображение внешних свобод отдельных людей равными, но очень маленькими фигурами, разбросанными по общему полю внешней свободы. Использование Аксиомы 9 устраняет эту неопределенность.

Аксиома 9.

Каждому должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимый с таким же максимумом свободы каждого другого.

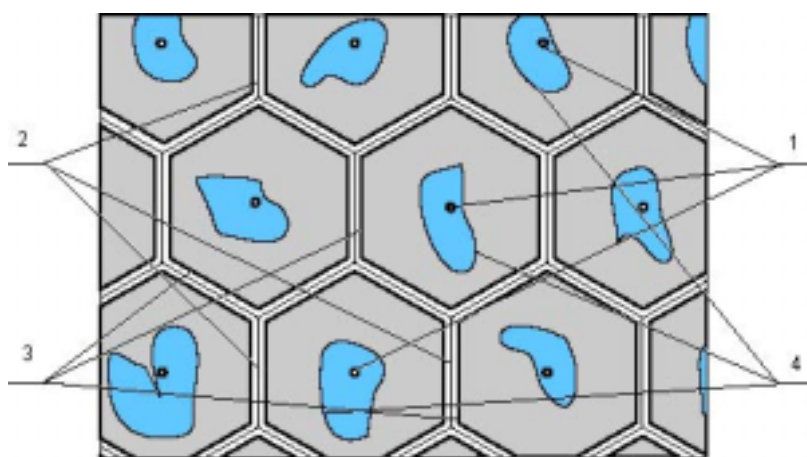
Теперь общее поле внешней свободы может быть разделено между всеми людьми без остатка (линия 2). Однако, такое распределение внешней свободы не жизнеспособно,

т.к. не оставляет места ни для правомерной самозащиты, ни для каких-либо действий государства. Для окончательного формирования границы нам необходимо привлечь

Определение 17.

Предоставление внешней свободы состоит из ее провозглашения и обеспечения возможности ее осуществления.

Обеспечение возможности осуществления внешней свободы графически как раз и заключается в отступлении от линии 2 внутрь внешней свободы каждого человека на равное расстояние (линия 3), на расстояние того “чуть-чуть”, о котором мы говорили, формулируя Определение 17. Именно в этой области между линиями 3 располагаются элементы внешней свободы государства и, поскольку никаких других мест для ее расположения не имеется, становится наглядным, что никакой другой свободы, кроме полученной от граждан, у государства просто нет.

Приведенный график позволяет проиллюстрировать и разницу между равноправием и равенством. Области, отграниченные линиями 3, олицетворяют собой внешнюю свободу людей, т.е. их возможность (способность) действовать в соответствии со своим выбором тем или иным образом, преследуя те или иные цели. Иными словами, каждый человек может (имеет право) оказаться в **любой** точке области своей внешней свободы. В **любой**, но не во **всех**! Ни один человек не может воспользоваться всем объемом своей внешней свободы. Например, нельзя даже за всю свою жизнь заниматься всеми возможными видами деятельности, побывать во всех населенных пунктах, тем более, оказаться в них во всех одновременно, не всем людям в течение их жизни удастся получить судебную защиту, хотя бы потому, что кому-то она не понадобится, и т.д. и т.п. Объем реализованной внешней свободы - область, отграниченная линией 4, - зависит исключительно от самого человека, от его желаний и возможностей. Таким образом, принцип равноправия - Аксиомы 5 и 9 - вовсе не превращает людей в одинаковых безликих винтиков. Наоборот, именно принцип равноправия позволяет каждому максимально полно использовать свои возможности, лишь бы только он не нарушал границы своей, а тем более чужой внешней свободы.